

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

№ 21 / 22.01.2024

Восточная Европа в 2023 году: укоренение новой стратегической реальности

Сергей Богдан, Денис Мельянцов и Евгений Прейгерман

Перспективы окончания войны в Украине не становятся более осязаемыми, что способствует дальнейшему нарастанию военной напряженности в регионе Восточной Европы и усилению глобальной цепи прокси-конфронтации. Структурный разрыв восточноевропейского региона ведет к закреплению новой стратегической реальности, которая влечет за собой долгосрочные негативные последствия для белорусской государственности.

Динамика российско-украинских фронтов

С середины 2023 года оперативная инициатива в войне перешла к России. Завершившаяся в начале лета битва за Бахмут обернулась значительными потерями с обеих сторон. Но для Киева они оказались более ощутимыми, особенно в политическом смысле. При этом бахмутское сражение в целом, как мы и [прогнозировали](#) в прошлогодней записке, стало аналогом Вердена. Обескровив стороны в борьбе за стратегически малозначимый объект, оно закрепило тенденцию уменьшения подвижности линии фронта, которая и превалирует на настоящий момент. Преодолеть эту тенденцию Москва или Киев могут лишь при условии реформативного самого конфликта: прямого вступления в войну стран НАТО или наоборот их отказа оказывать Украине поддержку в прежнем объеме, расширения театра боевых действий на третьи страны и т.д.

Тактика глубокоэшелонированной обороны, избранная Россией в 2023 году, позволила снизить потери среди личного состава и сдержать украинское контрнаступление. Последнее провалилось и в силу других причин. Например, недооценки потенциала противника со стороны Украины и ее партнеров, нереалистичных ожиданий в отношении военных поставок Запада и тактико-технических характеристик западного вооружения. Также негативно сказалась недостаточная дипломатическая поддержка Киева из-за моновекторной, ориентированной исключительно на Запад внешней политики и ошибок во взаимодействии с большинством незападных стран, особенно с Китаем.

На этом фоне частичный перевод экономики России на военные рельсы, усиление группировки войск на украинском направлении, технические усовершенствования (ударные и разведывательные беспилотники, РЭБ, контрбатарейная борьба) и обеспечение внешней поддержки (Китай, Иран, Северная Корея) позволили российской армии к ноябрю-декабрю 2023 года перейти в наступление почти на всем протяжении линии фронта. Речь, правда, идет не о массивном прорыве украинской обороны, а о повышении давления и постепенном перехвате инициативы. Отчасти это связано с отказом российского правительства от массовой мобилизации и резкой переориентации ресурса на нужды СВО, что могло бы вызвать негативные политические последствия внутри России в преддверии приближающихся президентских выборов.

В 2023 году Россия продолжила планомерно наращивать производство вооружений и боеприпасов. У Украины, наоборот, с осени 2023 года наблюдается выраженный снарядный и оружейный голод. Запад истощил запасы вооружений, пригодных к передаче Киеву, а западный ВПК пока не в состоянии поддерживать темпы производства, которые позволили бы компенсировать расходы боеприпасов на фронте. Во время летнего контрнаступления ВСУ расходовали примерно 7 тыс. снарядов в сутки (Россия – около 5 тыс.), в декабре – около 2 тыс., в то время как российская армия нарастила расход до 10 тыс.

В 2024 году у России сформируется окно возможностей на поле боя. Оно предполагает временной зазор в несколько месяцев (до года), когда страны Запада еще не успеют нарастить выпуск боеприпасов до паритетного с РФ уровня, поставить Киеву современные истребители, а ВСУ – соорудить линии обороны, подобные тем, какие построили россияне перед украинским контрнаступлением. Никогда ранее за последние десятилетия европейские страны (особенно восточноевропейские) не были так разоружены, как сейчас из-за военных поставок Украине. Таким образом, для России складывается благоприятная внешняя конъюнктура для наступательных действий.

Перспективы завершения войны в Украине

В 2023 году Россия, несмотря на санкции и войну, сохранила устойчивость экономики и даже добилась ее роста. Активная дипломатия Кремля позволила минимизировать эффекты

от изоляции России странами Запада. Фактически возник неформальный блок РФ-КНР, к которому приближается Иран. Свидетельством тому стали бурный рост торговли между странами и контакты на высшем уровне осенью-зимой 2023 года. Речь идет о сближении сопредельных стран, взаимодействие которых не может быть заблокировано Западом (например, через ограничение транзита или за счет сохраняющегося военного доминирования США и Великобритании на океанских маршрутах мировой торговли и коммуникаций). Сближение Пекина с Москвой означает значительное снижение эффективности западных санкций против России (а затем и других государств). Массовые санкции неизбирательного действия фактически начинают превращаться в свою противоположность. Они принуждают к консолидации страны с огромными технологическими возможностями и рынками и создают тем самым беспрецедентные возможности для выработки альтернатив западным продуктам и контролируемым Западом правовым режимам.

На декабрьской [пресс-конференции](#) Путин послал очередной сигнал Украине и Западу: в случае отказа от переговоров на российских условиях (демилитаризация, денацификация, нейтралитет) Кремль готов продолжать военную кампанию, главным приоритетом которой станет юг Украины (Одесса). Таким образом, серьезных предпосылок для мирного процесса в настоящее время не наблюдается, поскольку российская сторона:

- 1) Ожидает, что Запад начнет сокращать военную и финансовую поддержку Украины и будет терять способность проводить инициативную политику в отношении России. Эти ожидания связаны с растущими трансатлантическими противоречиями, расхождением приоритетов Киева и Вашингтона, все более опасным расколом внутри многих западных стран (падение рейтингов правительств даже в самых стабильных государствах, неспособность Демократической партии США к обновлению руководства, усугубляющиеся социальные проблемы и др.) и серьезными экономическими вызовами в некоторых европейских странах. Также в Москве по-прежнему исходят из того, что стратегическое значение Украины для Запада несоизмеримо меньшее, чем для самой России.
- 2) Рассчитывает, что тяготы и разрушения войны будут усиливать противоречия внутри украинского государства и общества и что это дестабилизирует внутривнутриполитическую ситуацию в Украине и подорвет боеспособность ее армии.
- 3) Убеждена, что время работает в интересах России и что с его течением переговорные позиции Москвы будут усиливаться.
- 4) Исходит из того, что здесь и сейчас (то есть без готовности Киева и Запада принять основные требования России в отношении конфликта с Украиной и перестройки всей системы европейской безопасности) реалистичная повестка для переговоров

отсутствует. В этих условиях Москва считает, что начало переговоров было бы контрпродуктивным для ее долгосрочных интересов.

Украинская сторона также не спешит договариваться, так как:

- Линию фронта удастся удерживать, и Россия пока не демонстрирует намерений значительно расширить масштаб боевых действий, т. е. в ближайшей перспективе, по мнению Киева, нет угрозы полного краха украинской обороны.
- Несмотря на все сложности с получением западного финансирования, в Киеве преобладает уверенность, что в той или иной форме ресурсы предоставлены будут.
- Киев надеется, что вопрос поддержки Украины играет стратегическую роль внутри НАТО, позволяя перестраивать Альянс в новой конфигурации, при которой соседняя и союзная Польша становится главным партнером США на континенте. В этом случае Варшава не только сможет, но и будет вынуждена предотвратить коллапс украинской обороны.
- Действующее руководство Украины само создало ситуацию, при которой любые переговоры с Кремлем будут означать политическое поражение Зеленского и утрату им власти.
- Ситуация продолжающейся войны, несмотря на все связанные с ней опасности, позволяет украинским властям сохранять внешние связи и внутреннюю политику в чрезвычайном положении. Это означает особый доступ к западным ресурсам и сохранение власти действующим руководством.

Тем не менее одним из очевидных последствий неудачного контрнаступления ВСУ в 2023 году стало снижение интереса к войне со стороны Запада. В странах ЕС-НАТО начало возникать все больше вопросов к целесообразности постоянной массированной помощи, если она не дает результатов на поле боя. При этом стороны очевидно пытаются переложить ответственность за неудачи друг на друга. Эта ситуация усугубляется несколькими факторами: обострением внутривнутриполитических противоречий в Украине и большинстве западных стран, снижением украинского мобилизационного ресурса, войнами на Ближнем Востоке, приближением выборов в США, истощением запасов вооружений на Западе и неспособностью ВПК оперативно их восполнять.

Как следствие, продолжение поддержки Киева со стороны Запада в 2024 году на уровне прошлого года действительно становится архисложной, если вообще реализуемой, задачей. Однако это не означает, что перспективы окончания войны становятся более осязаемыми. Крайне сложная ситуация, в которой оказалась Украина, создает дополнительные стимулы

для попыток горизонтальной и вертикальной эскалации боевых действий с целью преодолеть тупик на поле боя и в отношениях с западными партнерами.

Формирование глобальной цепи прокси-войн

Постепенное формирование [глобальной цепи прокси-войн](#) в целом также будет повышать вероятность эскалационных вспышек в Украине и во всем регионе Восточной Европы несмотря на то, что в 2023 году война на Ближнем Востоке явно отвлекла внимание от украинских событий. Действия великих держав в различных регионах все больше будут определяться не только конкретными расчетами в отношении того или иного конфликта, но и логикой глобального противостояния. Региональные акторы, в свою очередь, будут активно пользоваться возникающими в результате возможностями, что приведет к повышению всеобщей конфликтности.

Дестабилизация Ближнего Востока – пример такой динамики. Реакция на ближневосточные события Китая, России, Ирана и других стран, стремящихся снизить роль США как глобального гегемона, заметно контрастирует с тем, как эти акторы действовали бы еще несколько лет назад. Примечательно постепенное закрепление Китая в этом важном регионе, в том числе благодаря вкладу в деэскалацию напряженности между Ираном и Саудовской Аравией. В марте 2023 года Пекин [добился](#) подписания соглашения, нормализовавшего отношения между этими странами, которые с начала 2010-х годов подрывали своим соперничеством весь Ближний Восток. Как показало время, договоренности возымели действие.

Позиции «коллективного Запада» на Ближнем Востоке пошатнулись и в другом отношении: союзные Ирану йеменские хуситы к концу года создали угрозу для израильских и западных судов в Красном море, главным образом следующих через Суэцкий канал. На фоне проблем с судоходством в Панамском канале мировая экономика столкнулась с серьезнейшей проблемой на ключевых транспортных артериях.

Наиболее же опасной потенциальной точкой эскалации мировой напряженности является Тайвань. В ходе [встречи](#) Си Цзиньпина с Джоозефом Байденом в Калифорнии в ноябре 2023 года не удалось достигнуть прогресса по поводу реинтеграции острова в состав КНР. Эта попытка Пекина договориться с Вашингтоном в некоторой степени напоминает [попытки](#) Кремля добиться от США и НАТО гарантий безопасности для РФ в конце 2021 года. Эту параллель можно дополнить аналогией с наращиванием американской военной помощи Тайбэю, несмотря на невозможность его убедительной обороны. США начали военные поставки Тайваню за свой счет (а не через механизмы займа), но их объем ограничен. Впервые с 1970-х годов США [пригласили](#) для подготовки на своей территории целые подразделения вооруженных сил Тайваня. Все это лишь нагнетает обстановку, но не

гарантирует сохранения статус-кво. Американские войска были [выведены](#) с Тайваня в 1970-х годах, и сейчас США не склонны их туда возвращать.

Новая восточноевропейская реальность и Беларусь

Используя в основном внерегиональные силы и ресурсы, соседние страны-члены НАТО создают новую стратегическую реальность в Восточной Европе: фактически происходит намеренное стирание ими различий между Беларусью и Россией. Иными словами, влиятельные политические силы и даже руководство ряда стран НАТО-ЕС де-факто отзывают признание независимости Беларуси. Мантра об утрате Минском суверенитета очевидно [не соответствует](#) эмпирической действительности, но тем не менее живет собственной жизнью как [самоисполняющееся пророчество](#), отражая доминирующее восприятие Беларуси западными элитами как малозначимой страны.

Продолжается воздушная блокада Беларуси, нарастает блокада сухопутных путей сообщения, сохраняется отказ в предоставлении беспрепятственного доступа к морю. Все эти односторонние ограничительные меры не только нарушают фундаментальные положения международного права (например, Конвенцию ООН по морскому праву), но и подрывают долгосрочные основы белорусской государственности. Тем самым они ведут к укоренению такой ситуации в региональной безопасности, которая прямо противоположна декларациям западных политиков и, возьмем на себя смелость утверждать, стратегическим интересам самих стран НАТО-ЕС. Кроме того, как [прогнозируемо](#) показали события последних лет, эти меры давления на Минск не только не способствуют решению поднимаемых Западом вопросов в области демократии и прав человека, а, наоборот, лишь ведут к обострению ситуации. Не говоря уже о том, что дискуссия о демократических правах и свободах по определению лишена смысла, когда разрушаются долгосрочные основы государственности.

Наконец, логистические и транспортные ограничения сами напрямую нарушают права белорусских граждан, осуществляя их коллективное произвольное наказание. Население страны лишается возможности полноценно общаться с соседями, что [подрывает](#) политэкономические предпосылки общественного плюрализма и снижает экономическую жизнеспособность государства в средне- и долгосрочной перспективе.

На этом фоне страны-соседи Беларуси, прежде всего Польша, производят крупномасштабное довооружение своей армии. В конце 2023 года Литва [добилась](#) конкретных договоренностей относительно скорейшего ввода полноценной германской моторизованной бригады, за что Вильнюс боролся с конца 2010-х годов. В декабре в Польше были [введены](#) в строй объекты американской системы противоракетной обороны, которые, хотя формально и не изменяют баланс сил в регионе, вызывают в Москве серьезные опасения. Кроме того, США могут существенно нарастить военное присутствие в регионе, в

том числе за счет баз в Финляндии и Дании. Это создаст возможности препятствовать действиям флота РФ на Балтике с последующими вариантами давления на Кремль через полную блокаду Калининградского эксклава.

Все это обуславливает крайне опасную военную динамику в прилегающих к Беларуси частях Восточной Европы. Причем в отличие от России, у Минска нет соответствующей военной мощи и стратегической глубины, чтобы амортизировать такое давление.

Политика Минска

В этих условиях в 2023 году Беларусь продолжила попытки максимально дистанцироваться от войны в Украине. Находясь в тесном военном союзе с Россией, Минск при этом демонстрирует отличный от Москвы взгляд на СВО, постоянно [заявляя](#) о необходимости скорейшего прекращения огня и урегулирования конфликта. С территории Беларуси в 2023 году не велось обстрелы Украины, не наблюдалось ни милитаризации приграничных территорий, ни серьезного наращивания численности армии.

Белорусское правительство стремилось обеспечить безопасность страны асимметричными мерами. В частности, через [размещение](#) российского тактического ядерного оружия. Одновременно велась работа по созданию системы сопротивления на случай нападения. Проводились тренировки территориальной обороны, юридическое оформление получило народное ополчение, в западных регионах начали создаваться узлы сопротивления в рамках укрепрайонов.

Россия открыто не настаивала на большей вовлеченности Беларуси в своих операциях в Украине, поскольку не заинтересована в дестабилизации своего западного союзника. Более того, Москва де-факто пересмотрела собственную стратегию таким образом, что это привело к некоторому снижению риска вовлечения Беларуси в войну. В планировании боевых операций российское командование в 2023 году концентрировало внимание на причерноморском и донбасском регионах, а северо-восточные и северные украинские области, в отличие от 2022 года, практически не были затронуты активными боевыми операциями сухопутных войск России.

Одновременно [росла](#) роль Беларуси как важного партнера России в промышленной области. Впервые в истории Минск добился серьезных инвестиций Москвы в высокотехнологичные отрасли – например, микроэлектронику и машиностроение, – а также согласия России на широкомасштабное сотрудничество с белорусской стороной в таких областях, как авиастроение и т. п. Белорусское правительство добилось открытия для своей внешней торговли путей транзита через целый ряд российских портов (как на Балтике, так и на Северном, Каспийском и других морях и Тихом Океане), и получило возможность строить в России собственную портовую инфраструктуру. [Действия](#) Лукашенко по

купированию мятежа Пригожина имели своим следствием значительный рост поддержки белорусского президента в России. Кроме того, в очередной раз был продемонстрирован посреднический потенциал Беларуси.

В результате западных санкций произошел не обвал белорусской экономики, а ее радикальная переориентация в направлении России и [разрыв](#) исторически сложившегося единства региона балтийско-черноморского межморья в экономическом, социальном и коммуникационном отношениях (вслед за политическим и культурным). В прошедшем году разрыв продолжился через закрытие, фортификацию и отчасти минирование соседними странами ЕС-НАТО и Украиной границ с Беларусью, а также закрытие КПП на границе и сокращение объемов работы остающихся, разрыв единой энергосистемы прибалтийских стран с Беларусью.

Все это существенно усложняет задачу нормализации отношений с соседями, несмотря на все более [акцентированно](#) звучащую [примирительную](#) риторику Минска в адрес ЕС и, в частности, Польши. Реалистичным пока выглядит лишь поиск баланса в отношениях с соседями на новых условиях, которые позволили бы замедлить спираль региональной эскалации напряженности и найти взаимопонимание по наиболее базовым «красным линиям» и негласным правилам сосуществования в условиях активного взаимного сдерживания. На восстановление же комплексно разорванного исторического единства региона балто-черноморского межморья даже при благоприятных сценариях уйдут многие годы, хотя сам процесс разрыва еще далек от завершения.

Сергей Богдан

Старший аналитик Совета по международным отношениям «Минский диалог»

Денис Мельянцов

Координатор программы «Внешняя политика Беларуси» Совета по международным отношениям «Минский диалог»

Евгений Прейгерман

Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»